

Максим Горький

Дачники

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Максим Горький

Дачники / Максим Горький – М.: Книга по Требованию, 2011. – 70 с.

ISBN 978-5-4241-2754-0

Пьеса великого русского драматурга и писателя М.Горького "Дачники".

Для старшего школьного возраста.

ISBN 978-5-4241-2754-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Горький Максим
Дачники

М.Горький

Дачники

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Басов, Сергей Васильевич, адвокат, под 40 лет.

Варвара Михайловна, его жена, 27 лет.

Калерия, сестра Басова, 29 лет.

Влас, брат жены Басова, 25 лет.

Суслов, Петр Иванович, инженер, 42 года.

Юлия Филипповна, его жена, 30 лет.

Дудаков, Кирилл Акимович, доктор, 40 лет.

Ольга Алексеевна, его жена, 35 лет.

Шалимов, Яков Петрович, литератор, лет 40.

Рюмин, Павел Сергеевич, 32 года.

Марья Львовна, врач, 37 лет.

Соня, дочь ее, 18 лет.

Двуеточие, Семен Семенович, дядя Суслова, 55 лет.

Замыслов, Николай Петрович, помощник Басова, 28 лет.

Зимин, студент, 23 года.

Пустобайка, дачный сторож, 50 лет.

Кропилкин, сторож.

Саша, горничная Басовых.

Женщина с подвязанной щекой

Господин Семенов

Дама в желтом платье любители

Молодой человек в клетчатом костюме драматического

Барышня в голубом искусства.

Барышня в розовом

Юнкер

Господин в цилиндре

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Дача Басовых. Большая комната, одновременно столовая и гостиная. В задней стене налево открытая дверь в кабинет Басова, направо дверь в комнату его жены. Эти комнаты разделены коридором, вход в него завешен темной портьерой. В правой стене окно и широкая дверь на террасу; в левой два окна. Посреди комнаты большой обеденный стол, против двери в кабинет рояль. Мебель плетеная, дачная, только около входа в коридор широкий диван, покрытый серым чехлом. Вечер. Басов сидит за столом в кабинете, перед ним рабочая лампа под зеленым абажуром. Он пишет, сидя боком к двери, поворачивает голову, присматривается к чему-то в полутьме большой комнаты и порой тихо напевает. Варвара Михайловна бесшумно выходит из своей комнаты, зажигает спичку, держит ее перед лицом, осматривается. Огонь гаснет. В темноте, тихо подвигаясь к окну, она задает стул.

Басов. Это кто?

Варвара Михайловна. Я.

Басов. А...

Варвара Михайловна. Ты взял свечу?

Басов. Нет.

Варвара Михайловна. Позвони Сашу.

Басов. Влас приехал?

Варвара Михайловна (у двери на террасу). Не знаю...

Басов. Глухая дача. Устроены электрические звонки, а везде щели... пол скрипит... (Напевает что-то веселое.) Варя, ты ушла?

Варвара Михайловна. Я здесь...

Басов (собирает бумаги, укладывает их). У тебя в комнате дует?

Варвара Михайловна. Дует...

Басов. Вот видишь!

(Саша входит.)

Варвара Михайловна. Дайте огня, Саша.

Басов. Саша, Влас Михайлович приехал?

Саша. Нет еще.

(Саша выходит, возвращается с лампой, ставит ее на стол около кресла. Вытирает пепельницу, на обеденном столе поправляет скатерть. Варвара Михайловна спускает шторы, берет с полки книгу, садится в кресло.)

Басов (добродушно). Он стал неаккуратен, этот Влас... и ленив... Последнее время он вообще ведет себя... нелепо как-то. Это - факт.

Варвара Михайловна. Ты хочешь чаю?

Басов. Нет, я уйду к Сусловым.

Варвара Михайловна. Саша, сходите к Ольге Алексеевне... узнайте, не придет ли она пить чай ко мне...

(Саша уходит.)

Басов (запирая бумаги в столе). Ну, вот и кончено! (Выходит из кабинета, расправляя спину.) Ты, Варя, сказала бы ему, разумеется, в мягкой форме...

Варвара Михайловна. Что сказать?

Басов. Ну, чтоб он более... внимательно относился к своим обязанностям... а?

Варвара Михайловна. Я скажу. Только, мне кажется, ты напрасно говоришь о нем... в этом тоне при Саше...

Басов (осматривает комнату). Это - пустяки! От прислуги все равно ничего не скроешь... Как у нас пусто! Надо бы, Варя, прикрыть чем-нибудь эти голые стены... Какие-нибудь рамки... картинки... а то, посмотри, как неудобно!.. Ну, я пойду. Дай мне лапку... Какая ты холодная со мной, неразговорчивая... отчего, а? И лицо у тебя такое скучное, отчего? Скажи!

Варвара Михайловна. Ты очень торопишься к Сулову?

Басов. Да, надо идти. Давно я с ним не играл в шахматы... и давно не целовал твою лапку... почему? Вот странно!

Варвара Михайловна (скрывая улыбку). Так мы отложим беседу о моем настроении до поры... когда у тебя будет более свободное время... Ведь это не важно?

Басов (успокоительно). Ну, конечно! Ведь это я так... что может быть? Ты милая женщина... умная, искренняя... и прочее. Если бы ты имела что-нибудь против меня - ты сказала бы... А отчего у тебя так блестят глазки?.. Нездоровится?

Варвара Михайловна. Нет, я здорова.

Басов. Знаешь... надо бы тебе чем-нибудь заняться, дорогая моя Варя! Ты вот все читаешь... очень много читаешь!.. А ведь всякое излишество вредно, это - факт!

Варвара Михайловна. Не забудь об этом факте, когда будешь пить красное вино у Сулова...

Басов (смеясь). Это ты зло сказала! Но, знаешь, все эти модные, пряные книжки вреднее вина, право! В них есть что-то наркотическое... И сочиняют их какие-то нервно-растерзанные господа. (Зевает.) Вот скоро явится к нам "всамделишный", как дети говорят, писатель: Интересно, каков он стал... вероятно, зазнался немножко... Все эти публичные люди болезненно честолюбивы... вообще, ненормальный народ! Вот и Калерия ненормальна, хотя - какая она писательница, строго говоря? Она будет рада видеть Шалимова. Вот бы ей выйти замуж за него, право! Стара она... Н-да! старовата... и ноет всегда, точно у нее хронически зубы болят... и не очень похожа на красавицу...

Варвара Михайловна. Как ты много говоришь лишнего, Сергей!

Басов. Разве? Ну, ничего, ведь мы с тобой одни... Да, люблю я поболтать. (За портьерой слышен сухой кашель.) Кто это?

Сулов (за портьерой). Я.

Басов (идет к нему навстречу). А я собирался к тебе!

Сулов (молча здоровается с Варварой Михайловной). Идем. Я пришел за тобой... Ты в городе сегодня не был?

Басов. Нет. А что?

Сулов (криво усмехаясь). Говорят, твой помощник выиграл в клубе две тысячи рублей...

Басов. Ого!

Сулов. У какого-то сильно пьяного купца...

Варвара Михайловна. Как вы всегда говорите...

Сулов. Как?

Варвара Михайловна. Да вот... выиграл деньги - и под-черкиваете - у пьяного.

Сулов (усмехаясь). Я не подчеркиваю.

Басов. Что ж тут особенного? Вот если бы он сказал, что Замыслов напоил купца и обыграл его - это, действительно, скверный жанр!.. Идем, Петр... Варя, когда придет Влас. .. ага! вот он... явился!

Влас (входит, в руках его старый портфель). Вы скучали без меня, мой патрон? Приятно знать это! (Сулову, дурачливо, как бы с угрозой.) Вас ищет какой-то человек, очевидно, только что приехавший. Он ходит по дачам пешком и очень громко спрашивает у всех - где вы живете... (Идет к сестре.) Здравствуй, Варя.

Варвара Михайловна. Здравствуй.

Сулов. Черт возьми! Вероятно, это мой дядя...

Басов. Значит, неудобно идти к тебе?

Сулов. Ну, вот еще! Ты думаешь, мне будет приятно с дядей, которого я почти не знаю? Я не видал его лет десять.

Басов (Власу). Пожалуйте ко мне... (Уводит Власа в кабинет.)

Сулов (закуривая). Вы не хотите пойти к нам, Варвара Михайловна?

Варвара Михайловна. Нет... Ваш дядя - бедный?

Сулов. Богатый. Очень. Вы думаете, я только бедных родственников не

люблю?

Варвара Михайловна. Не знаю...

Суслов (желчно покашливая). А этот ваш Замыслов в один подлый день scomпрометирует Сергея, вы увидите! Он - прохвост! Не согласны?

Варвара Михайловна (спокойно). Я не хочу говорить с вами о нем.

Суслов. Ну, что ж... Быть по сему. (Помолчав.) А вот вы - немножко рисуется вашей прямой... Смотрите, роль прямого человека - трудная роль... чтобы играть ее только недурно, нужно иметь много характера, смелости, ума... Вы не обижаетесь?

Варвара Михайловна. Нет.

Суслов. И не хотите спорить? Или вы в душе согласны с моими словами?

Варвара Михайловна (просто). Я не умею спорить... не умею говорить...

Суслов (угрюмо). Не обижайтесь на меня. Мне трудно допустить существование человека, который смеет быть самим собой.

Саша (входит). Ольга Алексеевна сказали, что они сейчас придут. Готовить чай?

Варвара Михайловна. Да, пожалуйста.

Саша. Николай Петрович идут к нам.

(Уходит.)

Суслов (подходя к двери кабинета). Сергей, ты скоро?.. Я уйду...

Басов. Сейчас, сию минуту!

Замыслов (входит). Мой привет, патронесса! Здравствуйте, Петр Иванович.

Суслов (покашливая). Мое почтение. Каким вы... мотыльком.

Замыслов. Легкий человек! Легко на сердце и в кармане, и в голове легко!

Суслов (грубовато, с иронией). По поводу головы и сердца не буду спорить, а вот о кармане - говорят, вы обыграли кого-то в клубе...

Замыслов (мягко). Обо мне следует сказать: выиграл. Обыграл - это говорят о шулере.

Варвара Михайловна. Про вас всегда слышишь что-нибудь сенсационное. Говорят, это участь недюжинных людей.

Замыслов. По крайней мере сам я, слушая сплетни обо мне, постепенно убеждаюсь в своей недюжинности... А выиграл я, к сожалению, немного - сорок два рубля...

(Суслов, сухо кашляя, отходит налево и смотрит в окно.)

Басов (выходя). Только! Я уж мечтал о шампанском... Ну-с, вы имеете что-нибудь сообщить мне? Я тороплюсь...

Замыслов. Вы уходите? Так я после, это не спешно. Варвара Михайловна, как жаль, что вы не были на спектакле! Юлия Филипповна восхитительно играла... чудесно!..

Варвара Михайловна. Мне вообще нравится, как она играет.

Замыслов (с увлечением). Она - талант! Отрежьте мне голову, если я ошибаюсь!

Суслов (усмехаясь). А вдруг придется отрезать? Совсем без головы неудобно... Ну, идем, Сергей!... До свиданья, Варвара Михайловна. Честь имею... (Кланяется Замыслову.)

Басов (заглядывая в кабинет, где Влас разбирает бумаги). Так завтра к девяти утра вы все это перепишете, - могу надеяться?

Влас. Надейтесь... И да посетит вас бессонница, уважаемый патрон...

(Сулов и Басов уходят.)

Замыслов. И я пойду... Вашу ручку, патронесса.

Варвара Михайловна. Оставайтесь пить чай!

Замыслов. Если позволите, я приду потом. А сейчас - не могу! (Быстро уходит.)

Влас (являясь из кабинета). Варя! В этом доме будут пить чай?

Варвара Михайловна. Позови Сашу. (Кладет ему руки на плечи.) Отчего ты такой измученный?

Влас (трется щекой об ее руку). Устал. С десяти до трех сидел в суде... С трех до семи бегал по городу... Шурочка!.. И не успел пообедать.

Варвара Михайловна. Письмоводитель... Это - ниже тебя, Влас!

Влас (дурачливо). Нужно стараться достигать высот и так далее... я знаю. Но, Варя! - примеры любя, беру трубочиста на крыше: конечно, залез он всех выше... а разве он выше себя?

Варвара Михайловна. Не дури! Почему ты не хочешь поискать другого труда... более полезного, более значительного?..

Влас (комически возмущаясь). Сударыня! Я принимаю хотя и косвенное, но напряженное участие в защите и охране священного института собственности а вы называете это бесполезным трудом! Какой разврат мысли!

Варвара Михайловна. Ты не хочешь говорить серьезно?..

(Саша входит.)

Влас (Саше). Многоуважаемая! Будьте великодушны, дайте чаю и закусить.

Саша. Сейчас подам. Котлет угодно?

Влас. И котлет и всего прочего, им подобного...Жду!

(Саша уходит.)

Влас (обнимает сестру за талию и ходит с нею по комнате). Ну, ты что?

Варвара Михайловна. Мне почему-то грустно, Власик! Знаешь... иногда, вдруг как-то... ни о чем не думая, всем существом почувствуешь себя точно в плену... Все кажется чужим... скрытно враждебным тебе... все такое не нужное никому... И все как-то несерьезно живут... Вот и ты... балагуришь... шутишь...

Влас (комически становясь перед нею в позу).

Не укоряй меня, мой друг,

За то, что часто я шучу:

Веселой шуткой мой недуг

Перед тобой я скрыть хочу...

Стихи собственной фабрикации и гораздо лучше стихов Калерии... Но я не буду читать их до конца: они аршин пять длиной... Дорогая сестра моя! Ты хочешь, чтобы я был серьезен? Так, вероятно, кривой хочет видеть всех ближних своих одноглазыми.

(Входит Саша с чайной посудой и ловко суетится около стола. Слышна трещотка ночного сторожа.)

Варвара Михайловна. Брось, Влас! Не надо болтать.

Влас. Хорошо - сказал он - и грустно замолчал. Н-да! Ты не великодушна, сестренка! Целый день я молчу, переписывая копии разных ябед и кляуз... естественно, что вечером мне хочется говорить... Варвара Михайловна. А мне вот хочется уйти куда-то, где живут простые, здоровые люди, где говорят другим

языком и делают какое-то серьезное, большое, всем нужное дело... Ты понимаешь меня?..

Влас (задумчиво). Да... понимаю... Но - куда ты не уйдешь, Варя!

Варвара Михайловна. А может быть, уйду. (Пауза. Саша вносит самовар.)
Вероятно, завтра придет Шалимов. ..

Влас (зевая). Не люблю я его последних писаний - пусто, скучно, вяло.

Варвара Михайловна. Я видела его однажды на вечере... я была гимназисткой тогда... Помню, он вышел на эстраду, такой крепкий, твердый... непокорные, густые волосы, лицо - открытое, смелое... лицо человека, который знает, что он любит и что ненавидит... знает свою силу... Я смотрела на него и дрожала от радости, что есть такие люди... Хорошо было! да! Помню, как энергично он встряхивал головой, его буйные волосы темным вихрем падали на лоб... и вдохновенные глаза его помню... Прошло шесть-семь - нет, уже восемь лет...

Влас. Ты мечтаешь о нем, как институтка о новом учителе. Берегись, сестра моя! Писатели, как я слышал, большие мастера по части совращения женщин...

Варвара Михайловна. Это нехорошо, Влас, это - пошло!

Влас (просто, искренно). Ну, не сердись, Варя!

Варвара Михайловна. Ты пойми... я жду его... как весну! Мне нехорошо жить...

Влас. Я понимаю, понимаю. Мне самому нехорошо... совестно как-то жить... неловко... и не понимаешь, что же будет дальше?..

Варвара Михайловна. О да, Влас, да! Но зачем ты...

Влас. Паясничая?.. Я не люблю, когда другие видят, что мне нехорошо...

Калерия (входит). Какая чудесная ночь! А вы сидите тут - и у вас пахнет угаром.

Влас (встряхиваясь). Мое почтение, Абстракция Васильевна!

Калерия. В лесу так тихо, задумчиво... славно! Луна - ласковая, тени густые и теплые... День никогда не может быть красивее ночи...

Влас (в тон ей). О да! Старушки всегда веселее, чем девушки, и раки летают быстрее, чем ласточки...

Калерия (садясь за стол). Вы ничего не понимаете! Варя, налей мне чаю... Никто не был у нас?

Влас (поучительно-дурачливо). Никто - не может быть или не быть... ибо никто - не существует.

Калерия. Пожалуйста, оставьте меня в покое.

(Влас молча кланяется ей и уходит в кабинет, перебирает там бумаги на столе. За окном вдали слышна трещотка ночного сторожа и тихий свист.)

Варвара Михайловна. К тебе приходила Юлия Филипповна...

Калерия. Ко мне? Ах, да... по поводу спектакля...

Варвара Михайловна. Ты была в лесу?

Калерия. Да. Я встретила Рюмина... он много говорил о тебе...

Варвара Михайловна. Что же он говорил?

Калерия. Ты знаешь...

(Пауза. Влас напевает что-то, гнусаво, негромко.)

Варвара Михайловна (вздыхая). Это очень печально.

Калерия. Для него?

Варвара Михайловна. Однажды он сказал мне, что любовь к женщине траги-

ческая обязанность мужчины...

Калерия. Ты раньше относилась к нему иначе.

Варвара Михайловна. Ты ставишь это мне в вину? Да?

Калерия. О нет, Варя, нет!

Варвара Михайловна. Сначала я старалась рассеять его печальное настроение...и, правда, много уделяла ему внимания... Потом я увидела, к чему это ведет... тогда он уехал.

Калерия. Ты объяснилась с ним?

Варвара Михайловна. Ни словом! Ни я, ни он...

(Пауза.)

Калерия. Его любовь должна быть теплой и бессильной... вся - в красивых словах... и без радости. А любовь без радости - для женщины обидна. Тебе не кажется, что он горбатый?

Варвара Михайловна (удивленно). Не замечала... разве? Ты ошибаешься!..

Калерия. В нем, в его душе есть что-то не- стройное... А когда я это замечаю в человеке, мне начинает казаться, что он и физически урод.

Влас (выходит из кабинета, грустно, потрясая пачкой бумаги). Принимая во внимание обилие сих кляуз и исходя из этого факта, честь имею заявить вам, патронесса, что при всем горячем желании моем - не могу я исполнить к сроку, назначенному патроном, возложенную на меня неприятную обязанность!..

Варвара Михайловна. Я помогу тебе потом. Пей чай.

Влас. Сестра моя! Воистину ты - сестра моя! Гордись этим! Абстракция Васильевна, учитеесь любить ближнего, пока жива сестра моя и я сам!..

Калерия. А знаете, - вы горбатый!

Влас. С какой точки зрения?

Калерия. У вас горбатая душа.

Влас. Это, надеюсь, не портит моей фигуры?

Калерия. Грубость - такое же уродство, как горб... Глупые люди похожи на хромых...

Влас (в тон ей). Хромые - на ваши афоризмы...

Калерия. Люди пошлые кажутся мне рябыми, и почти всегда они блондины...

Влас. Все брюнеты рано женятся, а метафизики - слепы и глухи... очень жаль, что они владеют языком!

Калерия. Это неостроумно! И вы, наверное, даже не знаете метафизики.

Влас. Знаю. Табак и метафизика суть предметы наслаждения для любителей. Я не курю и о вреде табака ничего не знаю, но метафизиков читал, это вызывает тошноту и головокружение...

Калерия. Слабые головы кружатся и от запаха цветов!

Варвара Михайловна. Вы кончите ссорой!

Влас. Я буду есть - это полезнее.

Калерия. Я поиграю - это лучше. Как душно здесь, Варя!

Варвара Михайловна. Я открою дверь на террасу... Ольга идет...

(Пауза. Влас пьет чай. Калерия садится за рояль. За окном тихий свист сторожа, и, в ответ ему, издали доносится еще более тихий свист. Калерия тихонько касается клавиш среднего регистра. Ольга Алексеевна входит, быстро откинув портьеру, точно влетает большая, испуганная птица, сбрасывает с головы серую

шаль.)

Ольга Алексеевна. Вот и я... едва вырвалась! (Целует Варвару Михайловну.)
Добрый вечер, Калерия Васильевна! О, играйте, играйте! Ведь можно и без рукопожатий, да? Здравствуйте, Влас.

Влас. Добрый вечер, мамаша!

Варвара Михайловна. Ну, садись... Налить чаю? Почему я так долго не шла?

Ольга Алексеевна (нервно). Подожди! Там, на воле - жутко... и кажется, что в лесу притаился кто-то... недобрый... Свистят сторожа, и свист такой... насмешливо-печальный... Зачем они свистят?

Влас. Н-да! Подозрительно! Не нас ли это они освистывают?

Ольга Алексеевна. Мне хотелось поскорее придти к тебе... а Надя раскапризничалась, должно быть, тоже нездоровится ей... Ведь Волька нездоров, ты знаешь? Да, жар у него... потом нужно было выкупать Соню... Миша убежал в лес еще после обеда, а вернулся только сейчас, весь оборванный, грязный и, конечно, голодный... А тут приехал муж из города и чем-то раздражен... молчит, нахмурился... Я совершенно завертелась, право... Эта новая горничная - чистое наказание! Стала мыть пузырьки для молока кипятком, и они полопались!

Варвара Михайловна (улыбаясь). Бедная ты моя... славная моя! Устаешь ты...

Влас. О Марфа, Марфа! Ты печешься о многом - оттого-то у тебя все перепекается или недопечено... какие мудрые слова!

Калерия. Только звучат скверно: перепе - фи!

Влас. Прошу извинить - русский язык сочинил не я!

Ольга Алексеевна (немного обиженная). Вам, конечно, смешно слушать все это... вам скучно... я понимаю! Но что же! У кого что болит, тот о том и говорит... Дети... когда я думаю о них, у меня в груди точно колокол звучит... дети, дети! Трудно с ними, Варя, так трудно, если бы ты знала!

Варвара Михайловна. Ты прости меня, - мне все кажется, что ты преувеличиваешь...

Ольга Алексеевна (возбужденно). Нет, не говори! Ты не можешь судить... Не можешь! Ты не знаешь, какое это тяжелое, гнетущее чувство ответственность перед детьми! Ведь они будут спрашивать меня, как надо жить... А что я скажу?

Влас. Да вы чего же раньше времени беспокоитесь? Может, они не спросят? Может быть, сами догадаются, как именно надо жить...

Ольга Алексеевна. Вы же не знаете! Они уже спрашивают, спрашивают! И это страшные вопросы, на которые нет ответов ни у меня, ни у вас, ни у кого нет! Как мучительно трудно быть женщиной!..

Влас (негромко, но серьезно). Нужно быть человеком...

(Идет в кабинет и садится там за стол. Пишет.)

Варвара Михайловна. Перестань, Влас! (Встает и медленно отходит от стола к двери на террасу.)

Калерия (мечтательно). Но заря своей улыбкой погасила звезды в небе. (Тоже встает из-за рояля, стоит в двери на террасу рядом с Варварой Михайловной.)

Ольга Алексеевна. Я, кажется, на всех нагнала тоску? Точно сова ночью... о боже мой! Ну, хорошо, не буду об этом... Зачем же ты ушла, Варя? иди ко мне...